

Отечественная история

УДК 94(47)

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-4-76-85

Васильев Д.В.

*Институт государственного управления, права
и инновационных технологий (г. Москва)*

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ КАЗАХСКОЙ ОРДОЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.*

Аннотация. В статье описывается политическая история Внутренней казахской орды в первой половине XIX в. Рассматривается история ее возникновения и становления административной системы. Обращается внимание на особое двойственное положение орды, которое заключалось в ее зависимости от оренбургской и астраханской администрации. Подчеркивается значительная роль хана и «кочевой бюрократии» в управлении регионом. Особое внимание уделяется стремлению российских властей к ограничению и ликвидации ханской власти. Изученные источники указывают на формирование у казахов уникальной административной модели и позволяют выдвинуть гипотезу о том, что российское правительство в первой половине XIX в. было занято поиском наиболее оптимальной модели управления казахским населением.

Ключевые слова: Казахстан, Внутренняя орда, Бокеевское ханство, Жангир, политика Российской империи, административная система, управление.

D. Vasilyev

Institute of State Management, Law and Innovative Technologies, Moscow

THE CREATION OF GOVERNING SYSTEM FOR THE INNER KAZAKH HORDE IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

Abstract. The article describes the political history of the Inner Kazakh Horde in the first half of the 19th century. It deals with the history of the origin and formation of the horde administrative system. Special attention is paid to the particular dual position of the horde, which lay in its dependence from Orenburg and Astrakhan administration. Significant role of Khan and “nomadic bureaucracy” in the management of the region is emphasized. Particular attention is paid to the Russian authorities’ desire to restrict and eliminate Khan’s power. The studied sources indicate the formation of the Kazakhs unique administrative model, and allow to hypothesize that the Russian government in the first half of the 19th century was busy searching the optimal model of the Kazakh’s control management.

Key words: Kazakhstan, Inner Horde, Bokey Khanate, Zhangir, policy of the Russian Empire, administrative system, management.

© Васильев Д. В., 2015.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Политика Российской империи в Центральной Азии. Первая половина XIX века», проект № 11-01-00511.

Особым регионом империи, заселенным казахами, была Внутренняя (Бокеевская) орда в Волго-Уральском междуречье. Формирование этого особого административно-территориального образования началось в 1801 г. с переселением из приуральской степи юрт, верных султану Малой орды Бокею, на правую сторону Урала, давно являвшуюся частью империи. Российское правительство было заинтересовано в хозяйственном освоении заволжских степей, пожаловав их в удел Бокею и закрепив в 1812 г. за ним ханский титул. Однако история самостоятельной Бокеевской орды была весьма непродолжительной. В 1845 г., после смерти наследника Бокея Жангира, ханская власть в орде не восстанавливалась, а в середине 1850-х гг. была окончательно ликвидирована [10].

После смерти хана Малой орды Ералы (1794) в 1795 г. новым султаном был избран султан Есим. С целью сделать власть непопулярного хана более прочной, было принято решение создать при нем совет, на который (в составе шести советников, назначенных оренбургским военным губернатором бароном О.А. Игельстромом) под председательством сына Абулхаира и дяди Есима Айшуака было возложено управление Малой ордой после смерти Есима. В октябре 1797 г. Айшуак был избран ханом, а в следующем году император Павел I утвердил его в ханском достоинстве. Совет сохранил свои функции и получил наименование Ханского совета. Председателем совета стал султан Бокей [3, с. 277-281]. Зная, что в пределах Астраханской губернии есть значительные пространства для кочевания (в т.ч. оставленные калмыками), столь необходимые для расту-

щих казахских родов, и понимая, что это открывало возможность для укрепления единоличной власти, Бокей в 1799 г. обратился к командующему Кавказской линией и Астраханскому губернатору генерал-лейтенанту К.Ф. Кноррингу с просьбой о переселении верных ему казахских родов в междуречье Волги и Урала [1, с. 28-29]¹.

11 марта 1801 г. последовал указ Павла I, удовлетворявший просьбу Бокея [8, с. 571-572]. Таким образом, казахи Бокея попали под управление астраханского начальства. А осенью того же года начались организованные перекочевки казахов на зимовку на правую сторону Урала [1, с. 32]. 17 июля 1808 г. император издал указ, устанавливавший новые правила перехода зауральских казахов на внутреннюю сторону р. Урал [8, с. 435-438]. Закон упорядочивал положение бокеевских казахов, подчиняя их «наравне со всем киргизским народом» Оренбургской пограничной комиссии. Однако, учитывая то, что бокеевские казахи постоянно кочевали на территории Астраханской губернии, местное губернское начальство должно было стать своего рода промежуточным звеном между Бокеем и Оренбургом. Астраханские власти должны были обо всех событиях в среде казахов своевременно докладывать в Оренбург, передавая на места все распоряжения главного над казахами начальства. На Астрахань возлагалось также наблюдение за степными (зауральскими) казахами во время их зимовок в Нарын-песках, что допускалось теперь по билетам, выдававшимся уже не Бокеем, а исклю-

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 25. Д. 38843. Л. 56.

чительно Оренбургской пограничной комиссией. При этом в зимнее время подвластным Бокея запрещалось кочевать в Нарын-песках, отведенных для зимовок степным казахам. Таким образом, новый закон заметно ограничивал привилегии султана Бокея и астраханского начальства, вместе с тем возвращая Оренбургу значение главного центра по управлению казахами Малой орды, что, безусловно, нельзя не считать прогрессивным административным преобразованием. Можно спорить о том, какая (оренбургская или астраханская) традиция отношений с кочевниками являлась более перспективной с точки зрения гомогенизации империи, но нельзя отрицать положительного значения централизации управления имперской окраиной. Следует обратить внимание на одну весьма характерную деталь. Обычно губернские административные учреждения вели переписку с подчиненными им структурами низшего уровня, направляя им предписания. В Ставку же хана астраханских казахов Оренбургская пограничная комиссия направляла предложения, что означает определенный автономный статус ордынского управления.

После гибели хана Жанторе (1809) 25 сентября 1811 г. [9, с. 290-298] близ Оренбурга состоялись выборы нового хана Малой орды. 1 мая 1812 г. султан Бокей был утвержден императором в ханском достоинстве как хан казахов, кочующих в зауральских степях, при Нижнеуральской линии и в Астраханской губернии [1, с. 171-172]. Таким образом, пределы власти Бокея даже расширились. Одновременно оренбургский военный губернатор назначил управляющих родами бокеевских

казахов и обязал их получать наставления и печати из Пограничной комиссии [1, с. 174-175].

В мае 1815 г. один за другим скончались состоявший при хане в качестве представителя российской администрации генерал-майор П.С. Попов и сам Бокей. Временным правителем стал брат покойного хана Шыгай. Ему было адресовано письмо, составленное в январе 1819 г. другим оренбургским военным губернатором П.К. Эссенем, в котором тот, учитывая удаленность от Оренбурга как центра управления всеми казахами, предлагал по примеру соседних калмыков учредить местное управление и должность главного пристава, которые должны будут лишь «...способствовать правителю... в сохранении порядка, и быть, так сказать, ходатаем в правительстве как по отношениям к оренбургскому, так и астраханскому начальству» [1, с. 202]. Примечательно, что, возражая против подобной меры, султан Шыгай обращал внимание на реакцию простого люда: «...увидев пристава..., добровольно удалившегося из города, от жены и детей... для того только, чтоб преподавать... советы, немудрено подумать им, что через него хотят ввести русские права, хотят естественную вольность их поставить в границах» [1, с. 203]. Военный губернатор отказался от своей идеи [1, с. 208]. Иными словами, оренбургская администрация, с одной стороны, добивалась централизации управления казахами, а с другой, не смогла реализовать калмыцкую модель местного управления кочевниками. Однако само стремление учитывать опыт управления иными народами юго-востока империи демонстрирует наличие тенденции к

поиску некой основы для унификации управления кочевыми народами юга России вообще.

Летом 1822 г. в Бокеевском ханстве в связи с приближающимся совершеннолетием султана Жангира между ним и султаном Шыгаем разгорелась борьба за ханское достоинство. Оренбургский, астраханский и саратовский губернаторы безоговорочно поддержали кандидатуру Жангира не только на том основании, что это соответствовало устному завещанию самого Бокея, но, в первую очередь, потому, что он был известен «...с лучшей стороны, как по способностям, равно по нравственности и образованию..., благоразумию и кротости султана Джангыра и приверженности к нему киргизцев. Особенно российское купечество остается ему признательным за оказываемое оному покровительство. <...> Благонравное поведение его, образованность и здравый ум приобрели ему здесь общее всех внимание» [1, с. 231].

Через год (1824 г.) султан Жангир получил высочайшее утверждение в достоинстве хана Бокеевской орды. Едва получив ханское достоинство, Жангир начал строить планы преобразования управления подведомственными ему кибитками и казахами вообще. Он вынашивал план создания при оренбургском генерал-губернаторе совета из представителей всех четырех частей казахов, подчиненных администрации Оренбурга [1, с. 231].

Неурегулированность правовых и поземельных отношений между казаками, местными помещиками, казахами и калмыками серьезно беспокоила правительство. И в августе 1827 г. была назначена ревизия Астраханской губернии, целями которой были опреде-

лены выяснение реального положения казахов и калмыков, а также выработка предложений по совершенствованию управления кочевников, проживавших на территории губернии [1, с. 296-298]. В начале следующего года ревизовавший губернию сенатор Ф.И. Энгель докладывал в МИД свои предложения по реорганизации управления Бокеевской ордой [4, с. 292-296]. Во-первых, он предлагал восстановить силу императорских указов 1800 и 1806 гг. и вернуть казахам надлежащие земли, прекратить допуск зауральских казахов в астраханские степи на зимовку и предоставить бокеевцам возможность пользоваться Каспийским побережьем во время зимовок. Предполагая в перспективе необратимость земельного голода в случае сохранения традиционного для казахов кочевое скотоводство, даже при самом благоприятном решении земельного вопроса в настоящем, сенатор считал необходимым всячески содействовать переходу бокеевцев к оседлому образу жизни. Отмечая, что привлечение казахов к русскому суду вызывает у них непонимание и неприятие, Ф.И. Энгель предлагал гражданские разбирательства и следствия по уголовным делам максимально приблизить к кочевникам, а в присутственные места, разбиравшие соответствующие дела, считал необходимым направлять депутатов от казахского населения. Поэтому сенатор предлагал учредить специальную должность особого чиновника – «защитника посторонних людей в суде ордынском и киргизов – в судах русских».

Более того, Ф.И. Энгель считал необходимым учредить при ханской ставке в Бокеевской орде особый совет

из султанов и старшин по народному выбору в количестве 12 человек [2, с. 373], а указанный выше чиновник от правительства должен был получить власть прокурора. При этом сенатор считал, что его следует именовать депутатом при хане или его совете, но никак не приставом, ибо «название сие ордынцам ненавистно». Совет должен был руководствоваться Правилами для Ханского совета Зауральской орды 1806 г., и его ведению должны были подлежать полицейские и гражданские дела¹. Делопроизводство в совете следовало максимально ограничить. Его решения должны были приводиться в исполнение после утверждения ханом. Обо всех своих решениях совет обязан был докладывать в Пограничную комиссию, которая, не отменяя этих решений, должна была при необходимости его «вразумлять». Налгать взыскания на виновных в явной несправедливости мог только военный губернатор. На совет предлагалось возложить обязанность наблюдения за тем, чтобы на территории Бокеевской орды не находились посторонние лица. Поэтому ему предлагалось предоставить право высылки посторонних и подозрительных.

Особым шагом стало наименование бокеевских казахов Внутренней ордой, что, с одной стороны, как бы отражало их географическое положение, а с другой, подчеркивало особую близость к империи и ставило в приоритетное положение хана Жангира в сравнении с другими казахскими ханами [1, с. 317].

Предложения сенатора Ф.И. Энгеля были приняты Азиатским комитетом [1, с. 319-321]. Бокеевские казахи полу-

чали все не принадлежавшие никому на законном основании земли, но не навсегда, а во временное пользование. Переходы зауральских казахов на внутреннюю сторону р. Урал, вследствие их «непокорности и хищничества», запрещались. Совет при хане Жангире получал официальное утверждение. Во Внутреннюю орду назначался особый чиновник – попечитель, на которого возлагалась обязанность защищать интересы сторонних людей в суде казахском и казахов – в русском, а также наблюдение «...за спокойствием и благоустройством всей Внутренней орды». Назначение и увольнение этого чиновника возлагалось на Министерство иностранных дел, ведению которого подлежали бокеевские казахи вообще².

Однако введение должности попечителя вызвало резко негативную реакцию среди казахских старшин. И Николай I согласился с предложением МИДа на некоторое время отложить введение указанной должности во Внутренней орде. Вместо этого оренбургский военный губернатор должен был командировать в ханскую ставку ежегодно на несколько месяцев одного из чиновников для наблюдения за безопасностью казахов и справедливостью их менового торга [1, с. 323-324].

Власть хана Жангира значительно отличалась от власти других казахских ханов. Так, 15 января 1837 г. последовал указ, который утверждал за Жангиром власть суда и расправы во Внутренней орде, за исключением уголовных дел. Не довольствуясь этим, хан просил правительство предоставить ему в Ханском совете разбирательство краж

¹ Уголовные дела должны были оставаться в ведении суда Пограничной комиссии.

² Архив внешней политики Российской империи. Ф. 161, I-1. Оп. 781. Д. 491. Л. 127-128.

казахов между собой и у сторонних лиц, оставив в подсудности военного суда лишь убийства, разбои и захваты русских для продажи в рабство [7, с. 55-57].

К концу 1830-х гг. во Внутренней орде сложилась следующая система управления. Во главе стоял возведенный в ханское достоинство султан Жангир. Совет при нем состоял из двенадцати представителей от каждого подведомственного Жангиру рода в звании бия или советника. Их кандидатуры подлежали утверждению Оренбургской пограничной комиссии. Советники имели право разбирать дела и выносить приговоры по мелким кражам среди казахов, обязаны были надзирать за безопасностью и порядком среди подведомственного народа и наблюдать за действиями старшин. Каждым родом управлял султан, избранный по усмотрению хана и утвержденный пограничным начальством. Родоправители были призваны наблюдать за благоустройством вверенных им частей орды, неукоснительно исполнять все повеления хана, доносить хану о неблагонамеренных действиях казахов, руководить подведомственными старшинами. Родоправителям разрешалось словесное разбирательство жалоб и незначительных проступков и претензий. Для письменного производства при каждом султানে состояли по одному письмоводителю. Если тяжущиеся оставались недовольны решениями старшин, советников и султанов, они могли просить суда у самого хана, решение которого считалось окончательным. Другие дела духовного и гражданского судопроизводства, в том числе по искам прочих подданных империи, под-

лежали разбирательству и решению ханом в совете, производившимся словесно. Лица, неподведомственные Жангиру, неудовлетворенные его решением, имели право обращаться в российские судебные инстанции для окончательного разбирательства. Несколько родов объединялись в отделения. На начальников отделений возлагалось взимание закята и сугума – традиционных сборов с казахов [1, с. 371-373].

Современники отмечали особую значимость этого хана в роли лидера казахов. По их мнению, Жангир вполне ясно сознавал необходимость сближения интересов казахов с интересами империи, но при этом всеми силами стремился обеспечить свою самостоятельность в пределах Внутренней орды. Российские чиновники считали, что ханы управляли ордой самовластно. При этом власть правительства была почти номинальной, сводившейся лишь к защите окрестного оседлого русского населения от противоправных действий казахов¹. Что касается упомянутых выше закята² и сугума³, то хан обратил их в денежную форму и самовольно устанавливал их размеры в пределах вверенной ему орды. Фактически эти сборы были введены тайком от правительства как особая подать в пользу хана лично. Кроме того, в нарушение изначально установленного принципа доступа казахов к земельным ресурсам в зависимости от численности рода и количества ско-

¹ РГИА. Ф. 3812 Оп. 44. Д. 20673. Л. 89об.

² Закят – налог в пользу нуждающихся мусульман составлял 1/10 урожая с продуктов земледелия и 1/40 со скота и прочего имущества.

³ Сугум – добровольное приношение казахов скотом в пользу своих владетелей.

та, хан Жангир стал раздавать своим родственникам и приближенным отдельные участки в личное владение, подтверждая права на землю специальными ярлыками, свидетельствами или записками.

Родоправители (султаны) и старшины (возглавлявшие несколько аулов) концентрировали в своих руках полицейскую и административную власть, назначались ханом и руководствовались его приказами или собственным произволом. Хан лично устанавливал содержание старшинам в зависимости от заслуг каждого, а родоправители собирали с вверенных им казахов тот самый сугум на свое содержание. В качестве судебной инстанции хан окончательно судил гражданские дела казахов. Его суду подлежало и большинство уголовных дел, за исключением захвата и продажи русских в плен, разбоя и убийства, которые передавались Оренбургской пограничной комиссии. Жангир практически свел на нет народный суд биев, все чаще и чаще передавая подсудные ему дела на разбирательство родоправителей и старшин.¹ В 1837 г. хану удалось добиться ограничения юрисдикции судов Астраханской губернии. Теперь они могли безоговорочно требовать высылки из орды лишь тех казахов, чье непосредственное участие в процессе было необходимо. Решение о возможности снятия показаний с других казахов, равно как и претензии на подведомственное население, Жангир принимал самостоятельно [6, с. 45-46]. И лишь ближе к концу правления Жангира правительство изъяло из юрисдикции хана дела по важным преступлениям, предав их общему поряд-

ку и ограничив судебные полномочия хана делами малозначительными [7, с. 794]. Несмотря на то, что Внутренняя орда состояла в прямом непосредственном подчинении оренбургскому начальству, «... сношения эти ограничивались или вопросами о разъяснении недоразумений по исполнению правительственных распоряжений, или же просьбами об оказании содействия к охранению в орде тишины и спокойствия; в прочих же делах хан действовал самостоятельно».²

В феврале 1838 г., по именному императорскому указу, управление казахами Внутренней орды перешло от Оренбургского губернского правления в ведение Министерства государственных имуществ, которое своей важнейшей задачей поставило создание предпосылок для сближения ее с остальной Россией и распространения на этот край общероссийского порядка управления.

В 1844 г. по предложению МИД было принято решение изъять Внутреннюю орду из ведения Оренбургской пограничной комиссии, сохранив прежнее положение в качестве временной меры на один год. Но, как водится, временная мера приобрела перманентный характер и на долгие годы ничего не изменила в местном подчинении астраханских казахов.

Наиболее взвешенный подход продемонстрировало, как и следовало ожидать, Министерство государственных имуществ (МГИ). Оно избрало вектор на постепенную ликвидацию ханского управления, что являлось очевидным препятствием в деле ликвидации самобытности Внутренней орды. Министерство считало необходимым если

¹ РГИА. Ф. 3812 Оп. 44. Д. 20673. Л. 56-57об.

² Там же. Л. 58об.

не упразднить ханскую власть совершенно, то сколь возможно ослабить ее. Проект министерства 1846 г. предусматривал следующие меры: поставить ханское управление в зависимость от главного попечителя астраханских инородцев (управляющего Астраханской палатой государственных имуществ), объединив таким образом управление астраханскими казахами и калмыками, и учредить в орде русскую канцелярию; назначить хану в качестве старшего советника Ханского совета чиновника МГИ с правом исполнения ханских обязанностей во время его отсутствия.¹ В случае смерти хана следовало всеми способами задержать утверждение его преемника с целью введения постоянного российского управления. От такого развития событий не должно было удержаться даже утверждение ханского наследника, ибо последнего предлагалось удерживать в столице каким-нибудь почетным назначением, оставив управление ордой в руках старшего советника.²

Министерский проект 1846 г. предусматривал учреждение во Внутренней орде особой управы для разбирательства дел между представителями пришлого населения и производства следствий по уголовным делам казахов. В нее должны были входить два российских чиновника (один в качестве председателя) и один член из казахов. Председатель должен был назначаться министром государственных имуществ по представлению главного попечителя, одобренному астраханским военным губернатором (пола-

галось, что Внутренняя орда вскоре полностью перейдет в астраханское ведение), российский член управы – военным губернатором по представлению главного попечителя, а член из казахов должен был назначаться ханом.³

Внезапная смерть Жангира (1845) ускорила действия правительства по трансформации ханской власти. Обстоятельства развернулись в сторону имперской администрации, которая, воспользовавшись ситуацией, решила упразднить власть хана, сопряженную не только с высочайшим доверием, но и со злоупотреблениями им (самовольный захват и раздача земель, установление сборов в свою пользу и т.п.).

В январе 1846 г. оренбургским военным губернатором был утвержден Временный совет для решения не только важнейших дел, но и для повседневного управления Внутренней ордой [1, с. 736]. Временный совет под председательством управляющего Ордой султана Адила Бокеева состоял из двух казахских советников (султанов Менглигирея Бокеева и Чуки Нуралиева) и советника от Министерства государственных имуществ. Совет был непосредственно подчинен Оренбургской пограничной комиссии [1, с. 745-746], и фактическим распорядителем в нем был российский чиновник [1, с. 751-752]. Этому органу предоставлялось право решать все дела, предоставленные прежде рассмотрению и решению хана. Внутренняя орда оставалась под непосредственным начальством Пограничной комиссии и оренбургского военного губернатора в ведении Министерства государственных имуществ.

¹ Эта мера как раз и имела целью подготовить в будущем упразднение ханской власти как таковой.

² РГИА. Ф. 3812. Оп. 44. Д. 20673. Л. 61-62.

³ Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 78. Оп. 2. Д. 18. Л. 4-6об.

В связи с тем, что организация совета и необходимость опеки над малолетними наследниками хана Жангира и их имуществом значительно увеличили круг деятельности Пограничной комиссии, в 1847 г. при ней открылся особый временный стол по делам Внутренней орды в составе столоначальника, двух помощников, одного помощника бухгалтера, помощника регистратора и шести писцов [1, с. 787-788]. Временный стол входил в состав Оренбургской пограничной комиссии как часть ее судного отделения под руководством советника этого отделения. Возникшие в связи с этим неудобства и трудности вызвали потребность преобразования временного стола во временное отделение с особым начальником во главе.

26 января 1853 г. П.Д. Киселев уведомил оренбургского и самарского генерал-губернатора В.А. Перовского о том, что его предложения об уничтожении ханской власти во Внутренней орде и отстранении потомков Жангира от должностей внутри орды были приняты императором. Наследники последнего хана получили причитающееся им недвижимое и движимое имущество и были лишены права на какие-либо поступления от сборов, взимаемых с орды. Корнет князь Ибрагим Чингис был определен на службу в полк [1, с. 823-824].

Ради обеспечения единства управления с Малой ордой 8 января 1862 г. Внутренняя орда была передана из ведения Министерства государственных имуществ в Министерство внутренних дел, сохранив при этом зависимость от оренбургского генерал-губернатора.

Краткий анализ российского законодательства о Казахской степи пер-

вой половины XIX в. показывает, что к середине столетия во Внутренней (Бокеевской) орде сложилась самостоятельная административная модель, основанная на комбинировании местных традиций и бюрократических реалий империи, что кардинально отличало ее от административных систем других частей подведомственных России казахских земель. Проведенное исследование позволяет выдвинуть гипотезу о том, что российское правительство в Казахской степи шло по пути поиска оптимального образца для дальнейших административных преобразований в русле превращения региона в единое целое с государственным организмом, учитывая при этом особенности местной внутренней и внешнеполитической обстановки. Самостоятельность, замкнутость и определенная целостность бокеевской административной системы свидетельствует о целенаправленной административно-политической деятельности правительства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники:

1. История Букеевского ханства. 1801-1852 гг.: Сб. документов и материалов / Сост. Б.Т. Жанаев, В.А. Иночкин, С.Х. Сагнаева. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 1120 с.
2. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках (1771 – 1867 годы) (Сборник документов и материалов) / Ред. кол. М.О. Джангалин, Ф.Н. Киреев, В.Ф. Шахматов. Алма-Ата: Наука, 1964. 574 с.
3. Левшин А.И. Описание киргиз-казахских или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
4. Материалы по истории Казахской ССР (1785-1828 гг.). Т. IV. / Отв. ред. М.П. Вяткин. М.; Л.: АН СССР, 1940. 543 с.

5. Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции) / Сост. М.Г. Масевич. Алма-Ата: Изд-во Акад. Наук КазССР, 1960. 441 с.
  6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е. Т. XII. 1837. СПб., 1838.
  7. ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XIV. 1893. СПб., 1840.
  8. ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXX. 1808-1809. СПб., 1830.
- Литература:
9. Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. М.: Росспэн, 2014. 471 с.
  10. Ерофеева И.В. Внутренняя, или Букеевская, орда в первой половине XIX в.: история и историография // История Букеевского ханства. 1801-1852 гг.: Сб. документов и материалов / Сост. Б.Т. Жанаев, В.А. Иночкин, С.Х. Сагнаева. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. С. 3-23.
  11. Любичанковский С.В. Имперский опыт управления культурно-гетерогенным пространством в северной зоне Арало-Каспийского макрорегиона // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. Мат-лы II Межд. науч. конф., посвящ. 20-летию независимости Респ. Казахстан. Алматы; Актобе: Арыс, 2011. С.86-90.